

Циклон

Приближается новый циклон.
У зимы здесь — открытая виза.
Переполненный ветром район,
Как враньем-вороньем телевизор.

А тебе твоя куртка мала,
И другую купить очень трудно.
И качаются колокола,
И о чем-то молчат беспробудно.

Покупаешь плацкартный билет
И, трясясь в полуголом вагоне,
Понимаешь: родился на свет
Там, где ветер — пацан на районе.

Нажимаешь стоп-кран, эй, гоп-стоп,
Убирайся в дыхание ночи!
И летишь, словно в детстве, в сугроб,
И хохочешь, хохочешь, хохочешь...

В созвездии Дельфина

В созвездии Дельфина тишина,
Рождение звезды еще нам снится,
И в полудреме здешнее добро
Читает тихо руны Калевалы.
Ну что же, купим хлеба и вина,
И защебечем, зимние синицы,
Столовое начистим серебро,
Мы сами этот мир намалевали.

В созвездии Дельфина свой устав,
Не опускай усталые ресницы

И не спеши в горячее метро.
Уста еще пока свежи и алы,
Душа ручья прозрачней, чем хрусталь,
И прежде, чем пойти и застрелиться,
Ты перечти «Женитьбу Фигаро»!
Шампанского сегодня будет мало!

Созвездие Дельфина — добрый знак,
Там скоро новая звезда родится...
Ты сам себе не наноси урон.
Печальных мыслей убежала стая?
Я поняла, мой друг, несу коньяк,
Вот, кстати, есть еще большая пицца!
Дурачусь. Да, я клоун, но не клон!
Кивни на радость мне. Зима настала.

Молчанье рыб

Мой пьяный друг, ну как тебя спасти?
Ну хочешь, парк наш будет будто сад?
За шагом шаг, сплошное спотыканье,
Тяжелое неровное дыханье,
Да запах гари или коньяка,
И — ни-че-го не сходит с языка!
Ты — Гамлет, не начавший монолог,
Но даже в черных лужах есть он — Бог,
Да все говорить о нем неловко.
Смотри: летит к нам божия коровка.
Да, я тебе сестра, и у сестры б
Не спрашивать, зачем в молчанье рыб
Таится неразгаданное слово.
Смотри: идет к нам божия корова!
За ней — пастух, в глазах его, легка,
Живет и серебром блестит река,
Ван Гог — в глазах коровы, все миры,
Она мычит по правилам игры,
Но что-то знает, не умом коровьим.
И я тебе клянусь своим здоровьем:
Порой молчанье рыб важней, чем гам,
И ты, мой брат, сыгравший столько гамм,
Сыгравший день осенний в свежем свете,
Молчанье рыб сыграй мне на кларнете!

Лось

Пленный воздух мне посылает sos!
В клетке неба воздух рычит седой,
Сосны затрещали — какой мороз!
Пахнет снег невыплаканной бедой.

Люди светоносные, как же мне
Воздуху, что мучается, помочь?
Муть к окну прильнула. Глаза в окне
Ухмыльнутся. Долгою будет ночь.

Вы, вооруженные зрением узких ос,
Осипом целуемые во сне,
Слышащие даже земную ось,
Словом останавливающие снег,

Вы, еще живущие на Земле,
Будете смеяться: зима, зима!
И пробьется воздух, как пленный лев,
Ну а дальше я уж сама, сама.

И смычок взовьется, черноголос,
Сон и смерть минуя, живи, живи!
Воздух, пожалей! Я ведь пленный лось,
Ты меня на части не разорви!

Валентине Кудряшовой

Сгущаются слова. Закат. Перед грозой
Тягучий воздух ал, и дышишь-то едва.
Смущается любовь перед такой судьбою,
Сгущаются, как кровь венозная, слова.

Не страшно умирать, да умереть некстати,
Пока еще звучит, пронзительно жива,
Та музыка твоя в моей шестой палате.
Сгущаются, как кровь венозная, слова.

Пока еще звучит из сердца это пенье,
Пока еще горит октябрьская листва,
Я верю, что придет большое Воскресенье!
Сгущаются, как кровь венозная, слова.

Дождь в Хабаровском крае

У Марии-то в огороде сгнила судьба.
Дождь в Хабаровском крае. У нас — Макондо.
А Мария откинула мокрую прядь со лба,
Улыбнулась сырым небесам, что твоя Джоконда.

У Марии улыбка сошла с изумленных уст,
У Марии улыбка на ветку села и там трепещет,
Засветился маленьким солнцем продрогший куст,
Засветились вокруг деревья, цветы и вещи.

А в деревне-то нашей все — голытьба.
Дождь стреляет громом напрапалую.
У Марии-то в огороде сгнила судьба.
Что же делать Марии? Только — растить другую.

На набережной

Скорее в эмиграцию, в июль,
Бежать, бежать, быть воздуха частицей,
Соринкой быть... скорее — из чистюль!
Шажок, прыжок, — и вот я за границей!

Трещит, сияет, цокает, цветет,
Ну наконец-то праздничное лето!
Но что со мной? Я попадаю в год,
Когда тобой была, как песня, спета.

Какой холодный космос, что за жуть!
И как нас разделили, неделимых?
Куда бы ни бежала, окажусь
На набережной всех неисцелимых.

Из новостей Интернета

*Из новостей Интернета:
«Кенийская бегунья оказалась мужчиной».*

Я молчу с утра угрюмо,
Слов совсем, поверьте, нет!
Где бывшее, там и дума,
В настоящем — Интернет.

Интернет сказал: Не лгу я,
Разливаясь ручейком,
Но кенийская бегунья
Оказалась мужиком.

И взглянула я с опаской
На друзей и на подруг.
На болото... что под ряской?
И на север... вдруг там юг?

И с волнением — на реку.
Может, это не река?
Очень трудно человеку
В наши средние века.

Да, но знаю я хотя бы,
Хоть молчу уже с утра,
Что была и буду бабой,
И поэтому — урааааа!!!

Четыре шага

В горячке, в темноте, в ангинной маете.
Уйти скорее в сон от всех температур!
Привиделись места не эти и не те,
Не светлый твой ручей, не мой седой Амур.

Привиделась мне степь неведомой страны
И сусликов возня, как будто каждый вор.
И до тебя скакать теперь, как до Луны,
Лишь лошадиный пот из лошадиных пор.

Пропахла потом жизнь, летящая точь-в-точь
Как всадник из кино, тот, что без головы.
Куда она, куда летит лошадка-ночь?
До ясного ручья? Разбойничьей Москвы?

Здесь звезд и лошадей пасутся табуны,
На лошади летит раскосый мой глагол.
Монгольские глаза мелеющей луны...
Все степь да степь кругом, но я ведь — не монгол!

Откуда эта ночь, каких таких кровей?
И кто сейчас кричит: «Проснись! Зачем ты спишь?»
Проснусь. Поет щегол и плещется ручей,
И до тебя дойти четыре шага лишь...

Дождевик

Над звонницей тугие облака
Бинтуют небо. Где же дождевик?
Блестящий, черный, к стулу он приник
И в ужасе, и опустив рукав,

Услышал: ветер хлопает в ладоши!
Ах, ничего не бойся, мой хороший!
Пусть влажною протяжною рукой
Дождь прикоснется, как ручей ручной,

Пусть в этот час, по окончаньи мая,
Промокнет тело и душа живая,
Ты знай, что в час дождя, в тяжелый миг
Я пощажу тебя, мой дождевик!

Пусть небо не болеет пустотой,
Пусть звон опять раздастся золотой,
Пусть я промокну, но не буду хрупкой,
Под тела неустойчивой скорлупкой.

Смотри-ка: появился солнца лик!
Смотри, скорей смотри, мой дождевик:
Как медленные средние века
Над звонницей поплыли облака.

Оловянный солдат

Ты захлебнулась бы тягучей тьмой,
Но как почувствовать себя сироткой,
Ведь в тишине, не мертвой, а живой,
Стучит, где сердце. Видимо, на нем

Печатают стихи. Все ждут войну.
Войны-торговки грубое лицо,
Лицо с тяжелым наглым подбородком,
Глядит из тьмы. Глаза горят огнем,

И в тишине, где прячется набат
И выстрелы, вдруг звуки — цок-цок-цок —
В ней цокают, как прежде каблучки,
Как занавес, отодвигая тьму,

И оловянный маленький солдат
Стоит и охраняет тишину.
И ты не захлебнешься этой тьмой,
Пока стоит он, и пока — живой.

Кукушка

Горяча от бессониц подушка,
Месяц выгнулся. Боль, не балуй!
Перелетная птица, кукушка,
Что ж ты медлишь? Скорее кукуй!

Отыщи свой кукушкинский угол,
Может быть, непохож он на тир,
Где расстреливал ласковых кукол
Самый главный из всех командир?

Ты, кукушка, летаешь над бездной,
Залетаешь, кукушка, в строку,
И доносится до Поднебесной
То «ку-ку», то короткое «ку».

Отчего мне сегодня не спится?
И какая на сердце вина?
Ты лети, перелетная птица,
Перелетная птица — страна.

Колокольня

Звон, и гуд, и гул густой, лиловый,
Розовый, зеленый, золотой...
Я, как в детстве, снова стану новой,
Заберусь по лестнице крутой

Выше, выше! Вот так колокольня!
А еще повыше не берусь.
Может быть, не будет больше больно,
Может быть, уйдут тоска и грусть?

И глотнув невиданной свободы,
Многоцветна, как колокола,
Буду петь так, чтоб до небосвода
И до мамы песенка дошла.

Вон как небо видно с колокольни!
Разломилось солнце пополам.
Рада я: тебе уже не больно.
Ведь тебе не больно, правда, мам?

Попытка колыбельной

Спи, соль земли, спи, сок земли, спи, сон,
Спи, список кораблей, до середины
Прочитан ты не будешь никогда.

Усни, страна, спи, Мунк, спи, крик, спи, стон,
Деревья все, цветы, кусты малины,
Живая, спи, и мертвая вода.

Спи, карандаш, чего тебе на птичьем
Чирикать, и искриться, и жужжать,
И белкою невзрачною крутиться?

Но карандаш, с нахальным безразличьем,
И не пытаясь даже возражать,
Не белкою-летягой и не птицей,

А работягой по починке слов
Стал. И не спит, как слесарь Иванов.

Хореевое

Хореево на свете. Зима без снега злей,
Но есть стихи и дети, а в дверь стучит хорей.
С огромной рыжей харей, похожий на зверей,
Превысоченный парень. — Вы, говорю, — хорей?
— Я, говорит, сантехник, — так-перетак-и-так!
И только вен сплетенье в натруженных руках.
Шагнул он к батарее и стал ее чинить.
А я сижу, хорею и слушаю: Итить!
Да здравствует работа, все перестало течь!
Вот починил бы кто-то родную нашу речь.
Она не захиреет, воспрянет, дайте срок.
Да здравствуют хорей! А в дверь опять звонок.

Сирень

Многоголосье — это гул стихов,
Шум времени, судьба твоя лососья,
И лисий взгляд, и молоко кокосье
На грязном жарком пляже Таиланда.

А в номере, безликом и столиком,
Где сквозняки сновали словно крысы,
У столика, нелепый и неожиданный,
Рожденный между дыней и арбузом,

Пробился стих. Теперь живет в отеле.
И тяжелеет влажная сирень,
Которой не сказали, что она
Не может в декабре быть рождена.

Хлев

За житейской беседой о Гессе и местной флоре,
Разделяя воздух, вино и хлеб,
Вдруг услышала рокот — а это море,
Вдруг возникло сиянье — а это хлев.

Трепотня, трескотня, суета излишни,
Когда каждый час, как беды укус.
Первый мокрый снег — тяжелеют вишни,
Жив отец. И из хлева глядит Иисус.

